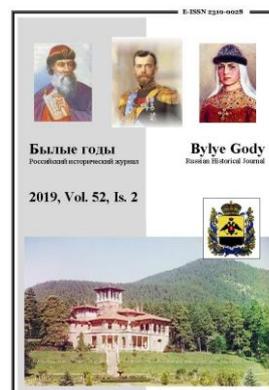

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 714-725. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.714
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Preparation of Pedagogical Staff for Steppe and Turkestan Area in Educational Region of Russian Empire

Asem K. Sadykova ^{a,*}, Sabira S. Saifulmalikova ^a

^a Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan

Abstract

The article considers history of Turkestan, The Steppe's Governorate General Teacher's seminary and school in the second half of XIX and in the beginning of XX century, provides inside into the significance of these educational institutions for the professional-pedagogical staff preparation for the primary school. The authors outline questions, which are related to the national teachers' training forms, teacher seminaries' professional-institutional staff, public officials, differentiated payment approach, national, religion and social structure of students, types of the scholarship and organization of the educational and nurturing process. Learning of the archive sources let to analyze material-technical level of the seminary, classroom equipping, regional features of the subject teaching systems, application of the student behavior assessment systems.

The idea is substantiated that experience of the teacher's seminary and school existence in Kazakh steppe formed the basis of the professional-pedagogical staff preparation for the primary school with secondary-level pedagogical education, including national teacher's staff training formation.

Keywords: Turkestan, The Steppe's Governorate General Teacher's seminary, the primary school, teachers, scholarship, Kazakh language, educational and nurturing function, national education system.

1. Введение

Процесс подготовки педагогического корпуса в казахской степи для низших учебных заведений связан с открытием учительских семинарий в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах во второй половине XIX – начале XX веков. До открытия учительских семинарий в начальных училищах и русско-туземных школах работали священнослужители, выпускники Неплюевского кадетского корпуса, школы при Оренбургской пограничной комиссии, а также разных учебных заведений Российской империи, в основном без педагогического образования.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что предметом исследования выступает проблема создания системы педагогических учебных заведений по подготовке учителей со средним образованием, в том числе национальных кадров в период Российской империи. В связи с этим особое внимание уделяется региональному аспекту вопроса. Изучение системы педагогических учебных заведений в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах представляет большой интерес как в этнорелигиозном, этнонациональном, так и в историко-образовательном плане, поскольку прослеживается преемственность между учительскими семинариями прошедших столетий и современными образовательными учреждениями – педагогическими колледжами, их организационной структурой, целями и задачами. Также надо отметить: создание Семипалатинского педагогического колледжа берет начало от Семипалатинской учительской семинарии.

При исследовании образовательной системы в педагогической структуре учебных заведений были изучены следующие аспекты: региональная особенность, кадровый потенциал, состав

* Corresponding author

E-mail addresses: asemakaznpu@mail.ru (A.K Sadykova), sabirasha@mail.ru (S.S. Saifulmalikova)

воспитанников, материально-техническая база, учебно-воспитательный процесс, механизм подготовки учителей со средним педагогическим образованием. Подчеркивается особенность подготовки педагогических кадров в регионах, заключающаяся в том, что учебные заведения были исключительно казенными, а учителей не готовили в земских, частных учительских семинариях и церковно-учительских школах, как это происходило в европейской части России.

2. Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили принципы историзма и объективизма. Изучение прошлого позволяет понять историческую эпоху, ее приоритеты, ценности, социокультурную систему. Анализ различных источников, рассмотрение каждого события в многогранности и противоречивости представляет возможность объективно оценить положительные и отрицательные стороны изучаемой темы. Основными источниками данного исследования послужили ранее малоизученные документы архивных фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) и Республики Татарстан. В процессе работы над статьей нами использованы Сборники постановлений Министерства народного просвещения при царствованиях Александра II, Александра III, Николая II, в которых нас привлекли справки об учебных заведениях, доклады, представленные в Государственный совет. Авторами изучены нормативно-правовые материалы, указы, законы, распоряжения, правила, инструкции и уставы, принятые для учительских семинарий по народному образованию Российской империи, материалы периодической печати, статистические сборники.

3. Обсуждение

В дореволюционной научной литературе отсутствуют комплексные исследования по истории создания учительских семинарий в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах. Сведения о них чаще встречаются в деловых документах чиновников колониальной администрации. Дореволюционные труды представлены публикациями самих участников процесса формирования этих учебных заведений, работавших директорами, инспекторами, наставниками, секретарями в учительских семинариях, такими как Н.П. Остроумов ([Остроумов, 1904](#)), М.А. Миропиев ([Миропиев, 1881](#)), Н. Воскресенский ([Воскресенский, 1883](#)), С.М. Граменицкий ([Граменицкий, 1896](#)) и др. В годовых отчетах секретарей педагогического совета Туркестанской учительской семинарии М.А. Миропиева, Н. Воскресенского подробно излагаются важные проблемы, связанные со статусом семинарий, с вопросами учебно-воспитательного, хозяйственного характера, квалификацией педагогического состава, и статистические сведения о воспитанниках. Вместе с тем необходимо отметить, что в небольших заметках выпускников учительских семинарий также затрагивается положение учебных заведений ([Бывший питомец, 1908](#)).

В своем исследовании А.В. Васильев рассматривает Орск-Оренбургскую учительскую школу наряду с другими учебными заведениями Оренбургского генерал-губернаторства ([Васильев, 1896](#)). Автор делает вывод: после пожара в Орске, произошедшего в 1888 г. вследствие неправильной организации учебно-воспитательного процесса, воспитанники выразили недовольство существующим порядком. Однако в архивных и эпистолярных источниках отмечается, что протест воспитанников-казахов произошел в 1889 году ввиду проповедования Евангельских заповедей директором А.Г. Безоновым.

В советской историографии тема подготовки педагогических кадров в Казахстане рассматривалась в диссертации А.П. Герасимовой – в единственной работе по этой проблеме ([Герасимов, 1950](#)). Герасимова изучила систему педагогического образования, методы обучения, материально-бытовое положение воспитанников и их участие в революционном движении. Автор приходит к выводу, что методы обучения препятствовали умственной самостоятельности учащихся, но, несмотря на издержки образования, воспитанники все же получили опеределенный круг знаний, умений и навыков, необходимых для будущих учителей начальных школ.

Проблема подготовки учительских кадров в начальных училищах и русско-туземных школах в Туркестанском генерал-губернаторстве освещалась в работе К.Е. Бендрикова ([Бендриков, 1960](#)). Автор пишет, что учителей для народных училищ готовили в Туркестанской учительской семинарии, а образцовое училище при семинарии было ярким примером для уездных школ.

В статьях ученых В.И. Полухина ([Полухин, 2009](#)), О.А. Сумарокова ([Сумароков, 2015](#)) и др. упоминается о Туркестанской, Семипалатинской учительских семинариях и об Орско-Оренбургской киргизской учительской школе. В современной казахстанской историографии история создания и формирования учительских семинарий считается одной из малоизученных тем. Имеющаяся информация недостаточно освещает проблему и представлена отрывочными сведениями.

4. Результаты

Социально-политические, экономические изменения, произошедшие в казахской степи после вхождения ее в состав Российской империи, отразились на системе образования. Во второй половине XIX века в уездах Туркестанского, Западно-Сибирского и Оренбургского генерал-губернаторств

ощущалась нехватка квалифицированных учительских кадров для начальных школ, остро стоял вопрос подготовки народных учителей.

Подготовка учительских кадров на окраине началась с открытия таких педагогических учебных заведений, как Омская учительская семинария (1872), Туркестанская учительская семинария (1879), Орско-Оренбургская учительская школа (1882). При семинариях были открыты начальные училища с годичным и двухгодичным курсами. Казахские воспитанники обучались и в Казанской учительской семинарии. В начале XX века готовили учителей в Семипалатинской учительской семинарии (1903), Актюбинской мужской учительской семинарии (1912), Уральской учительской семинарии (1913), Верненской учительской семинарии (1913), Акмолинской учительской семинарии (1916), а также на педагогических курсах при гимназиях и городских училищах. Учительские семинарии и школы на окраине были правительственными, закрытыми средне-специальными учебными заведениями и непосредственно подчинялись Министерству народного просвещения.

Структура учительской семинарии строилась по правилам иерархии. В регионах учительские семинарии носили гендерный характер, в них обучались исключительно представители мужского пола от 15 до 24 лет. Преподавательский состав – учителя, наставники, а также врачи, экономы тоже были мужчины. С 1917 года в Верненскую учительскую семинарию стали принимать лиц женского пола, численность их достигла 30 человек.

В регионах существовали две формы попечительства: 1) общественно-административного характера, когда попечитель избирался из общественных представителей; 2) почетный попечитель избирался из купцов, промышленников, так как их обязали материально помогать семинарии на благотворительной основе. Суммы благотворительности были неравными: в Омской учительской семинарии в год – 300 рублей, в Туркестанской учительской семинарии – 500 рублей.

В Российской империи учительские семинарии были трехгодичными, в регионах с момента открытия Туркестанской учительской семинарии – четырехгодичными, а училища при них – годичными. Туркестанская учительская семинария управлялась по положению Молодеченской (17 марта 1870 г.) и Иркутской учительской семинарии (27 марта 1872 г.). Орско-Оренбургская учительская школа – по положению для татарских учительских школ Уфы и Симферополя от 27 марта 1872 г., также по положению «О киргизской школе в г. Троицке», утвержденному 10 ноября 1880 года. В начале XX века Семипалатинская, Верненская, Актюбинская, Уральская учительские семинарии учреждались по положению 1902 года в составе четырех классов: трех основных и подготовительного, а училища при них были двухгодичными.

Создание учительских семинарий в регионах имело свои особенности. Главными инициаторами открытия заведений являлись административные управленцы местной власти, в основном генерал-губернаторы и губернаторы. Педагогический персонал Туркестанской учительской семинарии и образцового училища при семинарии пользовался правами и преимуществами, установленными для лиц учебного ведомства Туркестанского края. Особо следует отметить, что оплата труда в Туркестанской учительской семинарии была приравнена к жалованиям Ташкентской и Верненской мужских гимназий, и на 50 % выше, чем в других учительских семинариях Российской империи (СПМНП. Т. VII, 1883: 1632). Например, директор получал 3000 рублей, учитель Закона Божьего – 1800 рублей, пять наставников и учителей – 9000 рублей, учителя рисования, черчения, чистописания – по 600 рублей, врач и эконом – по 450 рублей, два учителя училища при семинарии – по 1800 рублей (СПМНП. Т. VII, 1883. Приложение: 26). Персонал Туркестанской учительской семинарии пользовался следующими льготами: а) после 3-летней службы сотрудники семинарии получали один 4-месячный отпуск с сохранением содержания; б) после 5-летней службы в Туркестанском крае, при оставлении службы получали прогоны в обратный путь до места нового назначения и пособия в размере полугодового жалования по последней занимаемой должности; в) при получении пенсии пять лет службы в Туркестанском крае засчитывались как семь лет (СПМНП. Т. VII, 1883: 1635). Преимущества подобного рода, созданные для Туркестанской учительской семинарии, отсутствовали в Орско-Оренбургской учительской школе, Верненской, Актюбинской учительской семинариях. Труд в них оплачивался так же, как и в других учительских семинариях Российской империи. К примеру, состоящий учителем в 1890–1893 годы при Орско-Оренбургской учительской школе начального училища Бергали Бахтыгереев получал жалование 360 рублей в год, в коэффициентном соотношении в несколько раз ниже, чем в Туркестанской учительской семинарии (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 6. Л. 5).

Особо нужно отметить положение директора и преподавателей Туркестанской учительской семинарии. Помимо прямых обязанностей, ими выполнялись различные функции, установленные Туркестанским генерал-губернатором и главным инспектором училищ. Еще одной особенностью этого учебного заведения было то, что генерал-губернаторы активно участвовали во внутренней жизни семинарии. По указанию генерал-губернатора директор Н.П. Остроумов был назначен редактором «Туркестанской газеты» на сартовском языке, а учителя участвовали в ревизии учебных заведений, активно печатали статьи в «Туркестанских ведомостях», являлись авторами известных литературных и ученых трудов. Также они активно привлекали своих воспитанников к творческой работе. Так, первый выпускник семинарии казах Букин Есмухаммед стал автором работы: «Киргизско-русский словарь и русско-киргизский словарь», «Физическое и умственное воспитание у киргизов».

Анализ уровня образования преподавательского состава учительских семинарий выявил, что в состав Туркестанской учительской семинарии изначально вошли лица, окончившие духовную академию, а учителя Орско-Оренбургской школы преимущественно имели университетское образование. В начале XX века в связи с нехваткой педагогических кадров в семинариях уже работали выпускники Туркестанской и Омской учительских семинарий и Орско-Оренбургской учительской школы. В 1915 году в Верненской учительской семинарии педагогический персонал состоял из выпускников в следующем количественном составе: один – из духовной семинарии, один – из университета, один – из учительского института, трое – из учительской семинарии, один – с домашним образованием (ЦГА РК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 14. Л. 29). Особо следует отметить, что значительное большинство учителей с дипломами духовной академии и университета работали в семинарии по совместительству, следовательно, после начала Первой мировой войны из-за нехватки педагогических кадров большинство штатников составили специалисты со средним педагогическим образованием. В образцовых училищах при семинариях основной контингент учителей состоял из воспитанников Туркестанской учительской семинарии и Орско-Оренбургской учительской школы. В период Первой мировой войны по причине недостаточного числа квалифицированных кадров в Семипалатинской, Верненской учительских семинариях привлекались к работе лица женского пола, ранее не допускавшиеся к труду в учительских семинариях.

В Российских губерниях по положению от 31 мая 1872 года в городских училищах классными учителями и помощниками могли работать только выпускники педагогического института. В регионах с нехваткой кадров выпускники учительских семинарий, согласно приказу Туркестанского генерал-губернатора, получили возможность трудоустройства в семинарию и в городские училища помощниками учителей (СПМНП. Т. VII, 1883: 2036).

Первыми воспитанниками, принятыми в учительские семинарии, преимущественно были выпускники двухклассных и одноклассных училищ. В конце XIX века ситуация изменилась: в 1899 году из городских училищ в Оренбургскую киргизскую учительскую школу поступили восемь человек, из двухклассных и одноклассных училищ – 41 человек, из волостных русско-киргизских училищ – один человек, из церковно-приходских школ – пять, из начального пришкольного училища – три, из неоконченных ремесленных училищ и школ – восемь человек (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 120. Л. 8). В начале XX века среди поступающих уже преобладали воспитанники городских училищ.

На начальном этапе создания учительских семинарий поступление происходило в упрощенном порядке, позже прием осложнили. В начале открытия учительских семинарий зачисляли всех экзаменуемых, так как желающих поступить было немного. В 1883 году в Орско-Оренбургской учительской школе количество выделенных штатных мест равнялось 35, но желающих поступить было 20. В 1915 году при поступлении в Актюбинскую мужскую семинарию экзамен сдавали 33 претендента, но из них были приняты всего 14 человек (ЦГА РК. Ф. 458. Оп. 1. Д. 64. Л. 4). Если ранее в учительских семинариях поступающим достаточно было сдать экзамены только по русскому языку и арифметике, то в 1904 году при поступлении в подготовительный класс Семипалатинской учительской семинарии количество экзаменов увеличилось – требовалось выдержать экзамен письменно и устно по русскому языку и арифметике, устно по Закону Божьему, истории и географии (ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 11. Л. 25).

Возможность поступления в учительскую семинарию, помимо местных жителей, имели и выходцы из других регионов. В 1880 году в Туркестанской учительской семинарии среди обучающихся воспитанников были представители следующих регионов: выходцы Семиреченской области – 21 человек, выходцы из Сырдарьинской – 17 человек, и часть семинаристов составляли уроженцы европейской части России (Мироппев, 1881: 12).

В 1907 году в Семипалатинской учительской семинарии из 54 воспитанников число уроженцев Семипалатинска и Семипалатинского уезда составило 30 человек, Акмолинской области – 2 человека, Семиреченской области, Тобольской губернии, Томской губернии – по 6 человек (ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 7. Л. 9). Стремление других региональных жителей поступить в Семипалатинскую или в Туркестанскую учительскую семинарию можно объяснить тем, что в самой европейской части России желающих поступить было значительно больше, соответственно существовал конкурс – на одно место претендовало от двух до шести человек. По этой причине они устремлялись поступать в учительские семинарии Степного края и Туркестана.

В Туркестанской учительской семинарии вместе с русскими воспитанниками обучались крещеные и некрещеные дети туземцев. Русским предоставлялось 50 мест, остальные места – детям инородцев. Из туземцев поступали казахи, узбеки, татары, башкиры, туркмены. В Орско-Оренбургскую киргизскую учительскую школу до 1892 года принимали только детей казахов, позднее стали принимать русских детей. Число учеников, соответственно, стало увеличиваться за счет русских детей и стипендиатов.

В учительской семинарии и учительской школе обучалось большинство лиц славянского происхождения и православного вероисповедания. По данным Туркестанской учительской семинарии, в 1895 году из 46 воспитанников – 40 было православных, 6 мусульман, при образцовом училище из 45 воспитанников – 43 православных, двое – римско-католического вероисповедания

(Обзор Сырдарьинской области за 1895 г., 1897: 169). В Актюбинской мужской учительской семинарии в 1913 году учились пять мусульман и 31 православный (ЦГА РК. Ф. 458. Оп. 1. Д. 64. Л. 171). В 1914 году в Верненской учительской семинарии из 21 воспитанников было 20 православных, 1 мусульманин (ЦГА РК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 14. Л. 11). В 1914 году в Уральской учительской семинарии среди 46 воспитанников – 31 православный, 8 единоверцев, 6 мусульман, 1 старообрядец (Обзор Уральской области за 1914, 1915: 147). В Орско-Оренбургской киргизской учительской школе сначала обучались исключительно казахи, с 1892 года преобладали русские воспитанники. В 1916 году из 72 учеников 56 – православные, 16 – мусульмане (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 374. Л. 11). Анализ различных статистических данных по разным годам позволяет сделать вывод, что в региональных учительских семинариях количество православных воспитанников составляло 85 %, мусульман – 12 %, единоверцев – 2,2 %, старообрядцев – 0,2 %, католиков – 0,2 %. В регионах в учительских семинариях не разрешалось обучаться моголам духовного христианства.

Из всех взятых обучающихся магометан большинство составляли казахи. А.И. Добросмыслов отмечает, что за первые 25 лет существования Туркестанской учительской семинарии в ней прошли обучение 348 русских, 54 киргиза (казаха), 9 сартов (узбеков), 3 татар, 1 туркмен (Добросмыслов, 1912: 231). Малочисленность среди обучающихся магометан объясняется тем, что многие коренные народы своих детей отдавали на учебу в мусульманские учебные заведения. К тому же были еще и другие причины: из-за низкого качества образования в начальных школах их дети не выдержали вступительных экзаменов, большой учебной нагрузки, тяжелой адаптации к городской среде, неполноценного скудного питания, строгих правил и контроля, религиозных обязанностей и обрядов. Многие казахи не могли продолжить обучение, в первую очередь из-за проблем со здоровьем. Например, в 1890 году из Оренбургской киргизской учительской школы трое воспитанников-казахов были отчислены по состоянию здоровья.

В конце XIX века в Степном крае и Туркестане учительские семинарии по сословному составу отличались от состава учительских семинарий европейской части Российской империи: в региональных учебных заведениях большинство было выходцами из казаков и мещан.

Таблица 1. Сословный состав русских воспитанников, кол-во человек

Сословный Состав	Туркестанская учительская семинария		Семипалатинская учительская семинария		Актюбинская учительская семинария		Верненская учительская семинария		Орско-Оренбургская учительская школа		Уральская учительская семинария	
	1880	1895	1907	1916	1913	1917	1913	1915	1898	1915	1913	1915
Дворяне и чиновники	2	7	-	6	-	-	4	7	-	5	-	-
Духовное звание	-	1	-	2	-	1	-	1	2	3	3	3
Нижние чины и казаки	23	17	-	21	-	-	3	11	-	2	9	16
Мещане	3	10	26	19	14	12	8	7	18	20	10	15
Крестьяне	-	5	13	52	22	47	5	8	5	31	17	23
Иные сословия	2	-	25	1	-	10	-	-	-	-	1	-

Источник: Миропиев, 1881: 12; Обзор Сырдарьинской области за 1895 год: 169; ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 7. Л. 9; Ф. 503. Оп. 1. Д. 24. Л. 19; Ф. 458. Оп. 1. Д. 33. Л. 12; Ф. 458. Оп. 1. Д. 79. Л. 40; Ф. 127. Оп. 1. Д. 14. Л. 19; Ф. 127. Оп. 1. Д. 35. Л. 34; Ф. 95. Оп. 2. Д. 156. Л. 10; Ф. 95. Оп. 2. Д. 374. Л. 14; Обзор Уральской области за 1913: 123; Обзор Уральской области за 1915: 132.

Таким образом, основываясь на широком круге архивных источников, можно сделать предварительные выводы. Сословная принадлежность воспитанников учительских семинарий была различной в разных областях и постоянно менялась. В период создания семинарий среди русских преобладали казаки и мещане. В Семипалатинской, Актюбинской, Верненской учительских семинариях преобладали крестьяне, меньше – дворяне, духовенство и дети чиновников. Имелись существенные различия между регионами. Если в Верненской, Уральской учительских семинариях преобладали дети казаков, то в Актюбинской семинарии таковые отсутствовали.

Казахские воспитанники по социальному составу происходили из семей степной аристократии и бедняков. К примеру, в 1880 году в Туркестанской учительской семинарии из семи обучающихся двое были потомками киргизского султана, пятеро – потомками простых киргизов (Миропиев, 1881: 11). Султанские дети были прямыми продолжателями рода хана Абулхаира: Исмайл Касымов и

Жусип Касымов. В 1889 году в Орско-Оренбургской школе из 35 воспитанников-казахов: восемь – султанского, один – духовного, 26 – простого происхождения (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 24. Л. 6).

В учительских семинариях и школах воспитанники обучались на положенных штатных казенных стипендиях. В момент открытия Туркестанской учительской семинарии учреждено 50 мест положенного штата, то есть для 50 принятых в семинарию учащихся были назначены государственные стипендии, а в Орско-Оренбургской школе – 35 мест. Сверхштатные воспитанники принимались на стипендии земских, казачьих, местных обществ, учреждений, частных лиц, были своекоштные пансионеры, полупансионеры и были приходящие воспитанники. В 1907 году в Семипалатинской учительской семинарии из 87 воспитанников на казенные стипендии обучались 50, земские – 9, казачьи – 1, на собственные средства – 24 (ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 7. Л. 9). В Верненской учительской семинарии: на казенные – 34, городские – 1, земские – 13, казачьи – 3, своекоштные – 3, сельские – 1, приходящие – 5, посещающие – 4 (ЦГА РК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 54). Общий статистический анализ по стипендиям учительской семинарии приводит к выводу о том, что большинство русских воспитанников обучались на казенные стипендии, казахские воспитанники – на казенные и земские стипендии. Если обучающихся на казахских воспитанников на земские стипендии исключали за неуспеваемость, то стипендии предоставлялись русским воспитанникам. В конце XIX века годовой размер казенной, а также и земской стипендии равнялся 120 рублям, к 1916 году – 240 рублям в год. В учительской семинарии для поступления на казенную стипендию сохранялась большая конкуренция. В 1913 году в Туркестанской учительской семинарии из 65 поступающих 12 учащихся получали казенную стипендию. В условиях конкуренции родители некоторых воспитанников иногда брали для детей займы в векселях, в надежде, что во время учебы у детей появится возможность получать казенную или другую стипендию.

В 1896 году в Орско-Оренбургской учительской школе разрешением учебно-окружного приказа было учреждено 17 частных стипендий для киргизов Тургайской области, в 1897 году – 10 частных стипендий для Уральской области на содержание стипендиатов, воспитанников-казахов, взятых из средств земских налогов вышеуказанных областей (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 156. Л. 2). Общество казаков, мусульман и другие различные сообщества учреждали свои стипендии. В 1914 году Токмакское общество Торгового местечка (мусульман) учредило две стипендии для Верненской учительской семинарии: по 240 рублей каждому воспитаннику – выходцам Токмака (ЦГА РК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 54. Л. 30).

В семинариях учреждались именные стипендии. В 1912 году в Семипалатинской учительской семинарии была учреждена именная стипендия имени императора Александра II, стипендия имени статус-секретаря Милютина, в Туркестанской учительской семинарии – стипендия генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина.

Казенные, земские стипендиаты учительской семинарии обязаны были отработать не менее шести лет в школах. Они не имели права на поступление в университет, только с 1915 года разрешалось поступать в высшее учебное заведение.

В учительской семинарии и школе обучали следующим предметам: Закон Божий, русский язык, церковно-славянский язык, история, арифметика и геометрия, физика, естествоведение, география, педагогика и дидактика, чистописание, рисование, гимнастика, пение. Воспитанники проходили педагогическую практику в образцовых училищах при семинариях. Закон Божий и церковно-славянские языки были обязательными предметами только для воспитанников из русских и крещеных инородцев. Однако в Семипалатинской учительской семинарии изучали церковно-славянский язык и некрещеные мусульмане.

Орско-Оренбургская киргизская учительская школа была единственным учебным заведением, где преподавали магометанское вероучение, в других учительских семинариях предмет был исключен из-за малого количества воспитанников-мусульман. Преподаватель по магометанскому вероучению избирался инспектором школы среди мулл, хорошо знающих русский язык, и утверждался в должности попечителем учебного округа по согласованию с губернатором. Архивные документы убеждают: ведение предмета было на низком уровне. Учителю Боранкулову за год следовало пропустить 323 урока, из них он пропустил 125 уроков, по сравнению с другими учителями количество пропусков было огромным (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 156. Л. 5). В 1892 году в Оренбургской киргизской учительской школе с принятием русских детей был введен новый предмет – Закон Божий. Во всех учительских семинариях изучению Закона Божьего уделялось особое внимание.

При исследовании темы семинарий особый интерес представляет преподавание местных языков. В Туркестанской, Семипалатинской, Верненской учительских семинариях изучали киргизский (казахский) язык, в Актюбинской, Уральской учительских семинариях данная дисциплина не преподавалась. В Туркестанской учительской семинарии воспитанники 1879–1883 года изучали киргизский (казахский) язык на основе кириллицы, знакомились с структурой и грамматикой языка, учили пословицы, переводили с казахского на русский и наоборот. С 1884 года по решению Туркестанского генерал-губернатора Н.А. фон Розенбаха киргизский (казахский) язык был отменен. Для семинаристов ввели изучение сартовского (узбекского) языка, с 1885 года – персидского языка. Директор семинарии Н. Остроумов не поддержал изучение сартовского и персидского языков, об этом он писал: «В семинарию продолжали поступать почти исключительно

киргизы, которых таким образом, вопреки прежнему проекту, обучали мусульманской письменности на сартовском и персидском языках» ([Кауфманский сборник, 1910: 143](#)).

В Верненской учительской семинарии изучали киргизский (казахский) персидский, сартовский (узбекский) языки. В Семипалатинской учительской семинарии киргизский (казахский) язык изучали на протяжении четырех лет, первый год – киргизский (казахский) язык с русской транскрипцией, второй год – с арабским алфавитом, на четвертом году обучения воспитанники должны были свою мысль излагать на киргизском (казахском) языке письменно с помощью арабского алфавита ([ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 4. Л. 10](#)). В семинарии с 1905 до 1916 гг. киргизскому (казахскому) языку обучали всех, с 1916/1917 учебного года язык изучали исключительно русские воспитанники. В Орско-Оренбургской учительской школе киргизский (казахский) язык изучали только русские воспитанники. Итак, подводя итоги по изучению языков, можно заключить, что в каждой семинарии были свои лингвистические экспериментальные установки.

По вопросу изучения предметов в семинариях были сравнительно нестандартные, самостоятельно принятые решения. В Туркестанской учительской семинарии педагогику изучали с первого класса. В 1893 году по инициативе областного управления в Орско-Оренбургской киргизской учительской школе в 4-м классе было введено преподавание гигиены с кратким курсом практической медицины. С 1912 года в Актюбинской мужской учительской семинарии воспитанникам на уроках гигиены было разрешено знакомиться с техникой оспопрививания с правом получения, по итогам испытаний в комиссии из местных врачей и врачебного инспектора, свидетельства на звание оспопрививателя ([ЦГА РК. Ф. 458. Оп. 1. Д. 8. Л. 14](#)). Эксперимента борьбы с оспой в других учительских семинариях не проводилось.

В Туркестанской учительской семинарии с 1881 года воспитанников готовили к переводческому делу, исключительно детей русского происхождения, не более пяти человек в год. Обучение и воспитание ученика семинарии обходилось в 200 рублей в год на каждого. Учащиеся жили в одних условиях с казенными стипендиатами и подчинялись всем правилам, изучали все предметы семинарского курса, кроме черчения, рисования, пения и музыки. На четвертом году обучения изучали местные языки учащиеся мусульманского вероисповедания у особого преподавателя, по найму администрации. В вакационное время их отправляли в туземные кишлаки и аулы для непосредственного ознакомления с живым народным говором туземного населения.

В региональных учительских семинариях пение было обязательным предметом, но к обучению музыке допускали тех, кто мог оплатить дисциплину отдельно. В Оренбургской киргизской школе музыка велась четыре раза в неделю, за уроки воспитанники платили в год 150 рублей. В 1916 году из 72 обучающихся лишь 21 воспитанник изучал музыку. В 1904 году в Семипалатинской учительской семинарии 40 из 70 обучающихся изъявили желание платить преподавателю за обучение игры на скрипке, гитаре и других музыкальных инструментах ([ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 3. Л. 31](#)). В вышеуказанном заведении в исключительном порядке воспитанникам было разрешено петь в церквях за определенную сумму, полученные два-три рубля они платили за урок. Семипалатинская учительская семинария была наиболее оснащена музыкальными инструментами, в 1916 году имела свой рояль, фисгармонию, контрабас, альт-кларнет, флейту, корнет, барабан, 30 скрипок, 18 гитар, 13 мандолин, 58 балалаек – всего 129 музыкальных инструментов ([ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 28. Л. 3](#)).

В учительских семинариях, по концепции просветителя И.Я. Яковлева, для сочетания умственного и физического труда практиковались столярное, токарное, переплетное, сапожное ремесла. В Орско-Оренбургской киргизской учительской школе преподавались столярное искусство и токарное дело по дереву. Воспитанники изготавливали из дерева предметы игрушечного характера и вещи для домашнего обихода: табуретки, столы, шкафы, комоды, пресс-бювары, шкатулки и др. ([ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 374. Л. 4](#)). Во всех учебных заведениях по предмету ручного труда были одинаковые трудности, не хватало мастеров с ремесленной подготовкой, а классные помещения не имели специального оборудования.

Семинарии имели свои фермы и теплицы для самокупаемости по принципу системы Ильминского. Верненская учительская семинария содержала собственную сельскохозяйственную ферму на участке земли площадью 1800 кв. саженей, приобретенном за 3 425 рублей. В 1915 году площадь посадок составляла 3 600 кв. сажен, где выращивались овощные культуры, зелень и бахчевые: картофель, огурцы, свекла, морковь, лук, капуста, помидоры, кукуруза, укроп, арбузы. И если в 1914 году валовая прибыль фермы равнялась 488 рублям 81 копейке, то в 1919 году она возросла до 3 039 рублей 81 копейки ([ЦГА РК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 95. Л. 3](#)). Туркестанская и Семипалатинская учительские семинарии тоже располагали собственными теплицами и огородами.

Особое значение в учительских семинариях уделялось религиозно-нравственным и воспитательным аспектам. Семинаристы обязательно должны были присутствовать на утренних и вечерних молитвах, богослужениях, участвовать в церковных пениях. В Орско-Оренбургской учительской школе и в Верненской учительской семинарии были созданы хоровые коллективы, выступающие на богослужениях. Самым способным ученикам Орско-Оренбургской школы выдавали свидетельства для руководства духовными хорами.

Режим дня учеников семинарии был строго регламентирован. Все воспитанники вставали утром и ложились спать по звонку. Соблюдение постов, посещение церкви велись под неукоснительным надзором наставников и наблюдателей (Олейник, 1909: 10).

Воспитанников аттестовывали отдельно за поведение и выставляли отметки, за любые шалости ученики должны были нести наказание как за несоответствующее поведение, к примеру, за выход из церкви во время богослужения, из класса – без разрешения преподавателя, за уклонение от посещения церковных служб, за неуместное объяснение на замечание классного наставника, за небрежное отношение к казенному имуществу, за уход из квартиры без ведома хозяйки, за позднее возвращение домой, за неприличное поведение на улице и в общественных местах, за курение табака в недозволенном месте, за дурные привычки и др. Отметки за поведение имели влияние на учебный процесс: семинаристов лишали стипендий и отпуска, заключали в карцер, не переводили в следующий класс, исключали из семинарии.

В повседневной жизни учительских семинарий в учебно-воспитательном процессе внеурочная деятельность развивалась многосторонне и разнообразно. Проводились религиозные праздники с православным церковным календарем, также коронации царей, панихиды царей, годовщины и памятные даты. К примеру, отмечалось 100-летие кончины Екатерины II, панихиды Александра II, Александра III, 200-летие годовщины рождения М. Ломоносова. В 1896 году 14 мая в день коронации Николая II и Александры Федоровны в здании Орско-Оренбургской учительской школы прошло торжественное молебство, три дня воспитанники получали улучшенный стол и лакомства (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 100. Л. 18).

В 1908 году на храмовом празднике, устроенном в церкви Ташкентской учительской семинарии, на торжественном богослужении присутствовали помощник Туркестанского генерал-губернатора К.А. Кондратович, военный губернатор Сырдарьинской области М.Я. Романов, главный инспектор училищ Ф.М. Керенский. Местные чиновники, кроме торжественных мероприятий, часто посещали семинарию, присутствовали на выпускных экзаменах, на уроках (Туркестанские ведомости. 1908. № 2536: 1080).

Кроме религиозных праздников, в семинариях проводились разные конкурсы, театральные представления, вечера классической музыки, литературно-музыкальные, вокальные вечера, ученические чтения по русской истории, чтение с туманными картинками, чаепитие. Каждый четверг в Орско-Оренбургской киргизской учительской школе устраивались вечерние чтения. Попечитель учебного округа непосредственно сам еженедельно присутствовал на этих чтениях.

В праздничные дни воспитанникам разрешалось посещение кинематографа, детских спектаклей, концертов, городских театров, вокальных вечеров, катков под наблюдением наставников. В 1903 году инспектор Орско-Оренбургской школы сообщал, что антрепренер театра Никулин прислал воспитанникам 10 билетов на представление (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 175. Л. 31).

Одной из форм внеурочной работы являлись экскурсии разного плана: по уездному городу, по крупным городам, пешие. Экскурсии по историческим достопримечательностям были нацелены на изучение региональной истории, местного края, а также истории России, а географические экскурсии проводились по объектам. Знания и впечатления, полученные в процессе экскурсий, способствовали формированию научного мировоззрения у воспитанников, развитию мотивации к изучению истории, культуры и традиций, а также установлению взаимопонимания между воспитанниками и наставниками. В целом экскурсии являлись одной из лучших форм и одним из лучших методов патриотического воспитания. К примеру, в 1884 году воспитанники Туркестанской учительской семинарии посетили Чиназ, Джизак, Самарканд, Пенджикент, Заамин, Ура-Тюбе, Ходжент. В отчете преподавателя В. Ошанина особо отмечается: «воспитанники познакомились со значительным пространством Туркестанского края, обращались с различными вопросами, касающимися самых разнообразных явлений природы, кроме того шли, никак не унывая во время пути» (Граменицкий, Ошанин, 1908: 109).

В 1899 году воспитанники училищ, учительской семинарии, гимназии и реального училища Туркестанского края посетили Санкт-Петербург, Москву, приволжские города и ярмарку Нижнего Новгорода (Нива, 1899: 594). В 1910 году в круговой поездке Тобольск – Москва – Одесса – Крым – Новороссийск – Самара – Омск участвовали четыре преподавателя и 18 воспитанников Семипалатинской учительской семинарии (ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 12. Л. 11). Из всех этих форм внеурочной работы чаще всего проводились экскурсии по уездному городу, где обучались семинаристы.

Воспитанники семинарии в повседневной жизни активно принимали участие в разных мероприятиях, организованных уездной управой. Например, учащиеся Верненской учительской семинарии участвовали в подготовке статистических работ по описанию Верного. Городской глава особо отметил воспитанников семинарии среди других учебных заведений за лучшую работу.

После буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг., в период подъема политической активности, воспитанникам учительских семинарий не дали возможности присутствовать на многочисленных мероприятиях. В будние дни вообще запрещалось посещение концертов и собраний, маскарадов, общественной библиотеки и читальни. В 1914 году во многих учебных заведениях был запрещен танец «танго».

Из архивных материалов по учительским семинариям можно констатировать, что Туркестанская, Семипалатинская учительские семинарии, Орско-Оренбургская киргизская учительская школа в материально-техническом обеспечении были в лучшем положении в сопоставлении с Верненской, Актюбинской учительскими семинариями. В 1909 году четыре здания Семипалатинской учительской семинарии были оснащены кабинетами ручного труда, рисования, естествознания, истории, музыки, учительской библиотекой, актовым залом, тремя комнатами для начального училища, музеем, квартирой для директора, преподавателей и наставников. В 1909 году в актовом зале семинарии вместительностью до 400 человек была домовая церковь, в храме «Чудотворца» проводили все праздники (ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 28. Л. 2).

Одной из наиболее острых проблем было отсутствие собственного помещения. В 1916 году Верненская учительская семинария арендовала 10 домов за 3 680 рублей. Из них 2 900 рублей платил город по соглашению с Министерством народного просвещения, остальные 700 рублей – семинария (ЦГА РК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 18. Л. 2). Дома, расположенные в различных частях города, создавали большое количество неудобств воспитанникам. В архивных документах особо отмечается, что «воспитанники во время сильных дождей ночевали в классных помещениях на полу. Ежедневное хождение в мокрую и грязную погоду из классов в спальню и обратно благоприятствовало распространению различных простудных заболеваний, и оно отразилось на учебном процессе» (ЦГА РК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 18. Л. 4). В подобном положении находилась Актюбинская мужская учительская семинария. Деревянное арендуемое здание в гигиеническом и санитарном отношении было вредно для здоровья учащихся. В помещении было холодно и тесно. Находившиеся недалеко от здания семинарии две паровые мельницы отравляли воздух в классе и мешали учебным занятиям своим шумом.

С началом Первой мировой войны в таком положении оказалась и Оренбургская учительская школа. В 1916 году бывшее здание учительской школы было передано войскам, а семинаристов разместили в помещении начального училища. С нехваткой учебных классов закрылось начальное училище при учительской школе. Проблема отсутствия собственного здания, последствия плохой организации питания, интенсификация учебного процесса привели к ухудшению здоровья воспитанников. Исследование архивных источников по учительским семинариям показывает, что среди воспитанников наблюдалась высокая заболеваемость. Особенно выделялись болезни нервной системы, желудочно-кишечного тракта, анемия, воспаление дыхательных путей и ревматизм. За 1915/1916 учебный год в Актюбинской мужской учительской семинарии у воспитанников выявили заболевания: центральной нервной системы – у 74, желудочно-кишечного тракта – 21, анемия – 16, лихорадка – 25, дифтерия – 3, чесотка – 7, воспаление дыхательных путей – 6, болезни полости рта – 53, ревматизм – 8, экзема – 3, конъюнктивит – 18, болезни органов слуха – (ЦГА РК. Ф. 458. Оп. 1. Д. 64. Л. 410). Иногда последствия заболевания приводили к смерти. В 1896 году в Оренбургской учительской школе от менингита умер больной Ванюшкин, в 1901 году от брюшного тифа – воспитанник Боранкулов (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 156. Л. 3).

Вступление России в Первую мировую войну сказалось на учебном процессе и материально-техническом положении учительских семинарий. Возникло множество трудностей: мобилизация гражданского учительского персонала создала дефицит профессиональных преподавателей, занятия велись чаще всего непланово, курсы учебных дисциплин оставались незаконченными, начался рост инфляции и дороговизны, прибытие беженцев и военнопленных привело к повышению стоимости арендуемого жилья, интернаты для воспитанников были закрыты, их распределяли по квартирам. Учащиеся – выходцы из бедных семей – вынуждены были трудиться на полевых работах, чтобы помочь своим родственникам, в связи с этим учебные занятия прерывались на месяц.

Патриотическое настроение и ответственность за судьбу Отечества, невзирая на такие трудности, оставались на высоком уровне среди воспитанников и преподавательского состава. Разнообразные источники показывают, что в учительских семинариях воспитание чувства патриотизма было поставлено в значительной степени. Воспитанники семинарий с начала Первой мировой войны оказывали помощь, отправляли воинам подарки, денежные средства, участвовали в организации концертов, выставок на нужды войны. Директора, наставники семинарий устраивали чтения для солдат местного гарнизона. Члены педагогического совета Актюбинской учительской семинарии с самого начала войны отчисляли 2 % получаемого заработка в пользу Красного Креста (ЦГА РК. Ф. 438. Оп. 1. Д. 77. Л. 103). Высокие патриотические чувства среди воспитанников и преподавателей руководили ими и в период Русско-японской войны. В 1904 году вырученные 92 рубля от продажи изделий, изготовленных на уроках ручного труда воспитанниками Туркестанской учительской семинарии, были пожертвованы на усиление военного флота новыми судами (Туркестанские ведомости, 1904: 330).

В регионах педагогические кадры готовили во всех городских училищах, при гимназиях с 1900 года открывались педагогические годовые курсы. Если в европейской части Российской империи массовое открытие педагогических курсов началось еще до открытия учительских семинарий, в Степном крае и Туркестане – только лишь после открытия учительских семинарий и школ. На курсы принимались юноши, достигшие 16-летнего возраста и окончившие городские, уездные и духовные училища, а также получившие образование в других учебных заведениях в

объеме не ниже курса городских училищ по Положению 1872 года. Например, в 1900 году открылись педагогические курсы в Верненском 3-классном городском училище. Всего здесь обучалось 11 человек (ЦГА РК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 150. Л. 7). На курсах особое внимание уделялось предметам – педагогика и методика обучения предметам. Каждый год выпуск курсистов не превышал 5–12 выпускников.

В Туркестанском генерал-губернаторстве при подготовке учительских кадров одним из сложных вопросов было нежелание выпускников работать в сельских школах. Многие выпускники семинарий из-за низкой оплаты труда сельского учителя не хотели работать вдали от города. Они по возможности стремились остаться в уездных городах. В 1898 году в связи с критическим отзывом о выпускниках Туркестанской учительской семинарии вопрос обсуждался на Совете семинарии. В отчете Совета особо отмечалось отсутствие желаний выпускников работать в сельских школах, их стремление к лучшим жизненным условиям, городской культуре и комфорту (ЦГА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 44. Л. 7). Анализ архивных документов, материалы периодических источников подтверждают: многие выпускники из-за плохого материального положения и социальной незащищенности учителей и низкой зарплаты не стремились в сельскую местность.

5. Заключение

Подводя итоги исследования создания и становления учительских семинарий, особо стоит отметить множество трудностей. Во-первых, неодинаковые условия материально-технической оснащенности и финансирования учительских семинарий. Во-вторых, нехватка педагогических кадров, которая отрицательно отразилась на организационном и учебном процессе. В-третьих, многие выпускники не хотели работать за низкую оплату труда в сельских школах. И, наконец, несмотря на то, что с каждым годом росло количество поступающих в семинарии, между числом поступивших учеников и числом учеников, окончивших семинарию, наблюдалась большая разница, так как многих выпускников отчисляли во время учебы из-за болезни и неуспеваемости.

Несмотря на такие сложности, создание и формирование педагогических учебных заведений заложило основу системы подготовки профессионально-педагогических кадров для начальной школы в казахской степи. После революции 1917 года основная часть этих учебных заведений реорганизовалась в педагогические училища и педтехникумы. Учебные заведения внесли определенный вклад в становление национальных кадров и формирование казахской интеллигенции. Великий казахский писатель, драматург, ученый М. Ауэзов, основоположник казахстанской школы металлогении, ученый-геолог К.И. Сатпаев и многие другие – цвет казахской интеллигенции – были выпускниками учительской семинарии.

Литература

- Бендриков, 1960** – Бендриков К.Е. Очерк по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 годы). М., 1960. 512 с.
- Бывший питомец, 1908** – Прошлое и настоящее Ташкентской учительской семинарии, ее задачи и нужды // *Туркестанский сборник*. Ташкент. 1908. Т. 492. С. 10-15.
- Васильев, 1896** – Васильев А.В. Исторический обзор русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896. 72 с.
- Воскресенский, 1883** – Воскресенский Н. Отчет о состоянии Туркестанской учительской семинарии с 1-го августа 1882 года по 1-е августа 1883 года, прочитанный на годичном акте семинарии 30 августа 1882 года и описание годичного акта. Ташкент, 1883. 37 с.
- Герасимов, 1950** – Герасимова А.П. Из истории педагогического образования в Казахстане (1872–1917 гг.): автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 1950. 16 с.
- Граменицкий, 1896** – Граменицкий С.М. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1896. 89 с.
- Граменицкий, Ошанин, 1908** – Граменицкий С., Ошанин В. Учебная экскурсия в Самарканд // *Туркестанский сборник*. Т. 456. Ташкент. 1908. С. 91-109.
- Добросмыслов, 1912** – Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем: Исторический очерк. Ташкент, 1912. 320 с.
- Кауфманский сборник, 1910** – Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана. Ташкент, 1910. 247 с.
- Мироппиев, 1881** – Мироппиев М. Отчет о состоянии Туркестанской учительской семинарии с 1-го августа 1879 года по 1-е августа 1881 года, прочитанный в годичном акте семинарии 30 августа 1881 года. Ташкент, 1881. 51 с.
- Нива, 1899** – Туркестанская учащаяся молодежь в Петербурге // *Нива*. 1899. № 31, С. 594.
- Обзор Уральской области, 1915** – Обзор Уральской области за 1914 год. Приложение к Всеподданейшему отчету военного губернатора. Уральск, 1915. 169 с.
- Обзор, 1897** – Обзор Сырдарьинской области за 1895 год. Приложение к Всеподданейшему отчету военного губернатора. Ташкент, 1897. 199 с.

- Олейник, 1909** – Олейник Е.А. Еще об учительских семинариях // Народный учитель. Профессионально и общественно-педагогический журнал. 1909, № 13–14. С. 9–11.
- Остроумов, 1904** – Остроумов Н.П. Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25-летие существования (30 августа 1879 года – 30 августа 1904 года). Ташкент, 1904. 219 с.
- Полухин, 2009** – Полухин В.И. Иностранческие учебные заведения по подготовке учителей в Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 3. С. 229–236.
- СПМНП. Т. VII, 1883** – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. VII. Царствование Императора Александра II. 1877–1881 годы. СПб. 1883. 2294 стб.
- Сумароков, 2015** – Сумароков О.Л. Туркестанская учительская семинария // Европейский фонд инновационного развития (Москва). Научное периодическое издание. CETERIS PARIBUS. 2015. № 2. С. 19–21.
- Туркестанские ведомости. 1904** – Пожертвование на усиление военного флота с новыми судами // Туркестанские ведомости, 1904, № 72. С. 330.
- Туркестанские ведомости. 1908** – Местные известия // Туркестанские ведомости. 1908, № 253. С. 1080.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РТ** – Центральный государственный архив Республики Татарстан.

References

- Bendikov, 1960** – Bendikov K.E. (1960). Ocherk po istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestane (1865–1924 godi) [Analytical review by the public education history in Turkestan (1865–1924 years)]. M. 512 p. [in Russian]
- Bibshii pitomec, 1908** – Proshloe i nastoyashee Tashkentskoi uchitel'skoi seminarii, ee zadachi i nuzhdi [Past and present of Turkestan teacher's seminary, its tasks and needs]. Turkestanskii sbornik. Tashkent, 1908. pp. 10–15. [in Russian]
- Dobrosmislov, 1912** – Dobrosmislov A.I. (1912). Tashkent v proshlom i nastoyashe: Istoricheskii ocherk [Tashkent in the past and present: Historical sketch]. Tashkent, 320 p. [in Russian]
- Gerasimov, 1950** – Gerasimov A.P. (1950). Iz istorii pedagogicheskogo obrazovaniya v Qazaqstane (1872–1917 gg): avtoref. diss. ... kandidata ped. nauk. [From the history of the pedagogical education in Kazakhstan (1872–1917 years): auto abstract, dissertation. ... candidate of pedagogical science]. M. 16 p. [in Russian]
- Gramenickii, 1896** – Gramenickii S.M. (1896). Ocherk razvitiya narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom krae [Analytical review by the public education development in Turkestan area]. Tashkent. 89 p. [in Russian]
- Gramenitskii, Oshanin, 1908** – Gramenitskii S., Oshanin V. (1908). Uchebnaya ekskursiya v Samarkand [Educational excursion to Samarkand]. Turkestanskii sbornik. T.456. Tashkent. pp. 91–109. [in Russian]
- Kaufmanskii sbornik, 1910** – Kaufmanskii sbornik, izdannii v pamyat' 25 let, istekshikh so dnya smerti pokoritelya i ustroitel'ya Turkestanskogo kraya general-adjutanta K.P. fon Kaufmana [Kaufman collection, which was published in 25 year memorial, expired from the death date of conquerer and organizer of Turkestan region's adjutant-general K.P. fon Kaufman]. Tashkent, 1910. 247 p. [in Russian]
- Miropiev, 1881** – Miropiev M. (1881). Otchet o sostoyanii Turkestanskoi uchitel'skoi seminarii s 1-go avgusta 1879 goda po 1-e avgusta 1881 goda, pročitannii v godichnom akte seminarii 30 avgusta 1881 goda. [Report of the Turkestan teacher seminary's condition from the 1st of August 1879 year to the 1st of August 1881 year, have been read in annual seminary's act on the 30th of August 1881 year]. Tashkent. 51 p. [in Russian]
- Niva, 1899** – Turkestanskaya uchashayasa molodezh' v Peterburge [Turkestan students in Petersburg]. Niva. №31. P.594. [in Russian]
- Obzor Siz-Dariinskoi oblasti, 1896** – Obzor Siz-Dariinskoi oblasti za 1895 god. Prilozhenie k Vsepoddaneishemu otchetu voennogo gubernatora [Overview of Syr-Dariya region in 1895. Appendix to General report of the Military Governor]. Tashkent, 1896. 199 p. [in Russian]
- Obzor Ural'skoi oblasti, 1915** – Obzor Ural'skoi oblasti za 1914 god. Prilozhenie k Vsepoddaneishemu otchetu voennogo gubernatora [Overview of Ural region for 1914 year. Appendix to General report of the Military Governor]. Uralsk, 1915. 169 p. [in Russian]
- Oleinik, 1909** – Oleinik E.A. (1909). Eshche ob uchitel'skikh seminariyakh [More about seminaries]. Narodnii uchitel'. Professional'no i obvestvenno-pedagogicheskii zhurnal. №13–14. pp. 9–11. [in Russian]
- Ostoumov, 1904** – Ostoumov N.P. (1904). Otchet Turkestanskoi uchitel'skoi seminarii za 25 letiya suvestvovaniya (30 avgusta 1879 goda 30 avgust 1904 goda) [Report of the Turkestan teacher's seminary in 25 years of existence (30 th of August 1879 year 30 th of August 1904 year)]. Tashkent. 219 p. [in Russian]
- Polukhina, 2009** – Polukhina V.I. (2009). Inorodcheskie uchebniye zavedenie po podgotovke uchitelei v Orenburgskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Non-Russian educational institution in order to prepare teachers in Orenburg province in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries]. Sibirskii pedagogicheskii zhurnal. Novosibirsk, №3. pp. 229–236. [in Russian]

SPMNP. T. VII, 1883 – Sbornik Postanovlenii Ministerstvu Narodnogo Prosveweniya. T VII. Carstvovanie Imperatora Aleksandra II. 1877-1881 gody [Treasury Regulation by the Ministry of Education. Volume VII. the reign of Emperor Alexander II. 1877-1881 years.] SPb. 1883. 1239 p. [in Russian]

Sumarokova, 2015 – Sumarokova O.L. (2015). Turkestanskaya uchitelskaya seminariya [Turkestan teacher's seminary]. Evropeiskii fond innovacionnogo razvitiya (Moskva). Nauchnoe pedagogicheskoe izdanie. Ceteris paribus. №2. pp. 19-21. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nii Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Qazaqstan [Central State Archive Republic of Kazakhstan].

TsGA RT – Tsentralnii Gosudarstvennii Arhiv Respubliki Tatarstan [Central State Archive Republic of Tatarstan.]

Turkestanskije Vedomosti, 1908 – Mestniye izvestiya [Local news]. *Turkestanskije Vedomosti* Tashkent, 1908. №253. P. 1080. [in Russian]

Turkestanskije Vedomosti, 1908 – Pozhertvovanie na usileniya voennogo flota s novimi sudnami [Donation for the strengthening marine forces with new vessel]. *Turkestanskije Vedomosti*. 1904, №72. P. 330. [in Russian]

Vasiliev, 1896 – Vasiliev A.B. (1896). Istoricheskii obzor ruskogo obrazovaniya v Turgaiskoj oblasti I sovremennoe ego sostoyanie [Historical review of the Russian education in Turgai region and its contemporary condition]. Orenburg. 72 p. [in Russian]

Voskresenskii, 1883 – Voskresenskii N. (1883). Otchet o sostoyanii Turkestanskoj uchitel'skoi seminarii s 1-go avgusta 1882 goda po 1-e avgusta 1883 goda [Report of the Turkestan teacher seminary's condition from the 1st of August to the 1st of August 1883 year, was read on the annual seminary act 30 August 1882 year and description of annual act]. Tashkent. 37 p. [in Russian]

Подготовка педагогических кадров для Степного и Туркестанского края в учебных округах Российской империи

Асем К. Садыкова^{a, *}, Сабира С. Сайфулмаликова^a

^a Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается история создания учительских семинарий и школ Туркестанского и Степного генерал-губернаторств во второй половине XIX и в начале XX веков, раскрывается значимость этих учебных заведений в подготовке профессиональных педагогических кадров для начальных школ. Отражены вопросы формы подготовки народных учителей; профессионально-преподавательского состава учительских семинарий и должностных лиц; национального, религиозного и социального состава воспитанников; дифференцированного подхода к оплате труда, видов стипендии, разновидностей материальной поддержки учащихся; организации учебно-воспитательного процесса. Анализ архивных источников позволил показать материально-техническое состояние семинарий, оснащение предметных кабинетов, региональную особенность системы обучения предметам, применение системы оценивания поведения воспитанников. В заключении отмечено, что создание и формирование учительских семинарий и школ в казахской степи заложило основу подготовки профессионально-педагогических кадров со средним педагогическим образованием, в том числе и национальных учительских кадров для начальных школ.

Ключевые слова: Туркестанское, Степное генерал-губернаторства, учительская семинария, начальная школа, учителя, стипендия, казахский язык, учебно-воспитательная деятельность, образовательная система, материальное положение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: asemakaznpu@mail.ru (А.К. Садыкова), sabirasha@mail.ru (С.С. Сайфулмаликова)